

УДК 339.97

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКИХ СПГ-ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ГАЗОВОГО РЫНКА: ВЫЗОВЫ И ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

А.Т. Назимов

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», Москва, email: a.t.nazimov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается текущее состояние и перспективы развития российских проектов по производству сжиженного природного газа (СПГ) в условиях санкционного давления и глобальной трансформации газового рынка. Акцент сделан на противоречивую ситуацию: с одной стороны, Россия сталкивается с технологическими и финансовыми ограничениями, затрудняющими строительство и запуск новых СПГ-заводов; с другой — мировой рынок газа демонстрирует бурный рост, что создает окно возможностей для перезапуска «замороженных» мощностей. В центре анализа — действия и планы США, крупнейшего экспортера СПГ, а также факторы, ограничивающие его дальнейшую экспансию: рост внутреннего спроса, проблемы с импортом газа из Канады, потребности энергетически емкой цифровой инфраструктуры и ограничения в развитии ВИЭ и АЭС. Обоснована гипотеза тем, что уже в ближайшие годы США могут столкнуться с дефицитом газа, что создаст благоприятные условия для возвращения России на мировой рынок СПГ. На основе анализа глобальных трендов, производственно-логистических условий и геополитической обстановки предлагаются сценарии развития российских СПГ-проектов.

Ключевые слова: Россия, сжиженный природный газ, экспорт газа, санкции, мировой рынок СПГ, Северный морской путь, энергетическая безопасность, инфраструктура, энергетический переход, США, внешнеэкономическая политика.

PROSPECTS FOR RUSSIAN LNG PROJECTS AMID SANCTIONS AND THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL GAS MARKET: CHALLENGES AND STRATEGIC OPPORTUNITIES

A.T. Nazimov

Educational institution of trade unions of higher education «Academy of Labor and Social Relations», Moscow, email: a.t.nazimov@gmail.com

Abstract. This article examines the current state and future prospects of Russian liquefied natural gas (LNG) projects amid sanctions pressure and the ongoing transformation of the global gas market. The focus is placed on a contradictory situation: on the one hand, Russia faces significant technological and financial constraints that hinder the construction and commissioning of new LNG facilities; on the other hand, the global gas market is experiencing rapid growth, which opens a window of opportunity for reactivating previously suspended capacities. At the core of the analysis are the actions and strategic plans of the United States—the leading global LNG exporter—as well as the internal factors that may limit its future expansion: growing domestic demand, issues related to gas imports from Canada, increasing energy needs from power-intensive digital infrastructure, and systemic challenges in the development of renewable energy and nuclear power. The article puts forward the hypothesis that the U.S. may face a gas shortage within the next few years, which could create favorable conditions for Russia's return to the global LNG market. Based on an analysis of global trends, production-logistical conditions, and the geopolitical context, several scenarios for the development of Russian LNG projects are proposed.

Keywords: Russia, Liquefied Natural Gas (LNG), Gas Exports, Sanctions, Global LNG Market, Northern Sea Route, Energy Security, Infrastructure, Energy Transition, United States (USA), Foreign Economic Policy.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2025

Дата принятия статьи в печать: 20.05.2025

Введение

На фоне глобального энергетического перехода и растущего внимания к экологическим аспектам энергопотребления сжиженный природный газ (СПГ) приобретает всё большее значение как относительно «чистое» и гибкое в транспортировке топливо. За последние десять лет рынок СПГ трансформировался из низшего в один из наиболее динамичных сегментов глобальной энергетики. В этих условиях Россия, обладая одними из крупнейших в мире запасов газа, сформировала амбициозные планы по строи-

тельству мощностей СПГ. Однако санкции, введенные странами Запада после 2022 года, серьёзно осложнили реализацию ряда проектов, приведя к приостановке строительства ряда крупных заводов, включая «Арктик СПГ 2» и «Балтийский СПГ».

Тем временем Соединенные Штаты Америки, используя окно рыночной нестабильности, стремительно наращивают экспорт СПГ. По прогнозам Управления энергетической информации США (EIA), валовой экспорт СПГ из США вырастет с 14,2 до 16,4 млрд кубических футов в день в 2025–2026 годах, что соответствует почти 200 млрд кубометров в год – сопоставимо с экспортными возможностями «Газпрома» в его лучшие годы. Однако столь бурный рост сопровождается рядом внутренних рисков.

Во-первых, наблюдается стремительное увеличение внутреннего спроса на газ в США. Согласно отчетам 13 крупнейших энергетических компаний, почти половина из них получила запросы от дата-центров на объемы электроэнергии, превышающие их пиковые нагрузки. Только на нужды искусственного интеллекта и ЦОДов в ближайшие годы потребуется до 600 ТВт ч в год, что эквивалентно 100 млрд кубометров газа. Во-вторых, строящиеся газопроводы в Мексику и возможные трения с Канадой по энергетическим вопросам ставят под угрозу стабильность газового баланса внутри США.

Таким образом, несмотря на видимую доминанту США на рынке СПГ, уже в среднесрочной перспективе может возникнуть ситуация энергетического «перегрева». Учитывая сложности с расширением ВИЭ, высокую стоимость новых АЭС и необходимость быстрой генерации, газ останется ключевым топливом. В этих условиях Россия получает шанс, несмотря на санкции, переосмыслить свою СПГ-стратегию и перезапустить замороженные проекты.

Цель исследования

Цель данной статьи – проанализировать, при каких условиях российские СПГ-заводы смогут возобновить строительство и запуск, а также оценить, сможет ли Россия воспользоваться будущими ограничениями США на рынке СПГ. В работе также рассматриваются факторы, определяющие «окно возможностей» для России, и предлагаются стратегические сценарии развития отрасли в ближайшие 5–10 лет.

Результаты исследования

На фоне сокращения поставок газа из России в Европу и общего роста мирового спроса на природный газ, Соединённые Штаты Америки заняли лидирующие позиции в экспорте сжиженного природного газа. Стратегия США основывается на увеличении добычи сланцевого газа, активном строительстве новых заводов по сжижению и расширении портовой инфраструктуры. Уже в 2023 году США обогнали Катар и Австралию по объемам экспорта СПГ, что стало возможным благодаря гибкой контрактной политике, быстрому реагированию на ценовые сигналы и высокой инвестиционной активности в секторе.

В ближайшие два года, согласно прогнозу Управления энергетической информации США (EIA), объем экспорта СПГ вырастет с 150 до более 170 млрд кубометров в год. Эти объемы сопоставимы с экспортными возможностями России в лучшие докризисные периоды, когда «Газпром» ежегодно экспортировал около 200 млрд кубометров газа, включая трубопроводные поставки. Однако принципиальным отличием американской модели является ставка на высокую долю спотовых контрактов и возможность поставок в любую точку мира, что обеспечивает США большую гибкость и маневренность.

Активное строительство новых терминалов, таких как Plaquemines LNG, Rio Grande LNG и Port Arthur LNG, в совокупности должны добавить ещё около 50 млрд кубометров экспортных мощностей к 2026–2027 годам. Это означает, что в случае сохранения текущих темпов США способны к концу десятилетия экспортировать более 250 млрд кубометров газа в год в виде СПГ. На этом фоне позиции других экспортеров, включая Россию, оказываются под давлением: ключевые рынки, особенно в Азии, активно переориентируются на американский газ [1].

Однако одновременно с экспансией на внешний рынок, внутри США нарастает структурное давление на газовую отрасль. Во-первых, наблюдается бурный рост спроса на электроэнергию. Ведущие энергетические компании США в 2024–2025 годах фиксируют резкий рост запросов от дата-центров и операторов облачных технологий. Массовое внедрение искусственного интеллекта, машинного обучения и развитие ИТ-инфраструктуры создают новый, ранее не существовавший сегмент спроса. По оценкам аналитиков, к 2030 году центры обработки данных потребуют дополнительно до 600 ТВт·ч в год – это объем, сопоставимый с годовым энергопотреблением всей Франции [2].

Во-вторых, перспективы строительства новых АЭС в США остаются ограниченными из-за высокой стоимости, длительных сроков реализации и общественного сопротивления. Проблемы с интегра-

цией ВИЭ в энергосистему (нестабильность генерации, необходимость резервов) лишь усиливают значимость газа как источника базовой нагрузки. Следовательно, газовая генерация остаётся основным «мостом» между нынешней и будущей зелёной энергетикой [2].

Третьим важным фактором является нестабильность в энергетических отношениях с Канадой. Примерно 30 млрд кубометров газа ежегодно импортируется в США с севера, в дополнение к определенным объемам электроэнергии. Любая торговая напряженность или попытки ренационализации канадского энергетического сектора могут вызвать временные перебои, которые приведут к локальным кризисам и росту цен.

Наконец, следует отметить амбиции по новой индустриализации США. Возвращение производств, стимулируемое Законом о снижении инфляции (Inflation Reduction Act), влечет за собой рост промышленного энергопотребления. Всё это в совокупности формирует потенциальный внутренний дефицит газа, который может вступить в конфликт с растущими экспортными обязательствами.

Таким образом, несмотря на масштабный рост экспортных мощностей, США в ближайшие 3–5 лет могут столкнуться с парадоксом: внутренний спрос на газ вырастет быстрее, чем добыча. При дефиците инвестиций в инфраструктуру и нестабильности внешних факторов это может привести к росту цен на внутреннем рынке, политическим дебатам о приоритетах экспорта и, в крайнем случае, к ограничениям на экспорт в пользу внутреннего потребления.

Для России, чья экспортная активность сейчас ограничена санкциями, такая ситуация может открыть уникальное окно возможностей: в условиях «перегретого» американского рынка и стремления к диверсификации поставок со стороны стран Азии, российский СПГ может вновь стать привлекательным для потребителей при условии технологической адаптации и перезапуска инфраструктурных проектов.

После начала специальной военной операции в 2022 году и введения масштабных санкций со стороны стран Запада Россия столкнулась с беспрецедентным давлением, которое напрямую отразилось на высокотехнологичных секторах экономики, включая производство СПГ. Международные ограничения затронули ключевые звенья реализации крупных инфраструктурных проектов: поставку технологического оборудования, доступ к программному обеспечению и логистике, а также участие иностранных подрядчиков и инвесторов.

Наиболее ярким примером стал проект «Арктик СПГ 2» – второй флагман НОВАТЭКа после «Ямал СПГ». Планировалось, что его мощность составит 19,8 млн тонн СПГ в год, а первая линия будет запущена в 2023 году. Однако в результате санкций против ключевых подрядчиков, включая японскую Mitsui и французскую TotalEnergies, проект оказался в состоянии неопределенности. Проблема усугубляется тем, что большая часть оборудования для сжижения газа проектировалась за рубежом, и обеспечить полную локализацию в условиях временных ограничений оказалось крайне сложно [3].

Не менее уязвимым является и проект «Балтийский СПГ» в Усть-Луге, реализуемый при участии «Газпрома». Изначально завод должен был стать ключевым экспортным каналом для европейского направления. Однако после отказа партнеров, таких как Shell, и ввиду разрыва производственно-технологических цепочек строительство фактически остановлено. Также заморожены или существенно замедлены «Сахалин СПГ-2», «Обский СПГ» и «Мурманский СПГ-хаб», где ключевыми проблемами стали: дефицит импортного криогенного оборудования, ограничение доступа к зарубежному финансированию и отказ от технического сопровождения со стороны западных инжиниринговых компаний.

В то же время Россия предпринимает попытки компенсировать ущерб через локализацию. Примером может служить разработка отечественной технологии «Арктический каскад», успешно внедренной на одной из линий «Ямал СПГ». Хотя эффективность и масштабируемость этой технологии пока ограничены, она открывает путь к снижению зависимости от зарубежных решений. Однако на текущий момент технологическая база российских поставщиков оборудования еще не в состоянии обеспечить потребности крупных СПГ-проектов «под ключ».

Санкции также осложнили транспортную составляющую: крупные суда-газовозы, особенно ледового класса Arc7, проектировались в Южной Корее и Японии. Из-за ограничения доступа к проектированию, финансированию и страхованию строительство судов задерживается. Хотя на верфи «Звезда» реализуется проект по локализации газовозов, объем и темп их производства пока не сопоставим с масштабами потребности [4].

Таким образом, санкционное давление породило системный кризис отрасли, замедлив реализацию амбициозных проектов и поставив под угрозу экспортную стратегию России. Главные вызовы сосредоточены в трех плоскостях:

Технологической – отсутствие критически важного оборудования и ПО;

Финансовой — ограниченный доступ к международному капиталу;

Кооперационной — утрата долгосрочных партнеров и поставщиков.

В этих условиях становится крайне важным определить, какие проекты могут быть «разморожены» в ближайшие годы, какие требуют стратегической перезагрузки, а какие — полного пересмотра бизнес-модели. Об этом — в следующем разделе.

Несмотря на беспрецедентное санкционное давление, структурные ограничения и утрату прежних международных партнёров, российская СПГ-индустрия не остановилась. Наоборот, в новых условиях сформировалась необходимость выстраивать долгосрочную устойчивую стратегию, в центре которой — локализация, стратегическое планирование и геоэкономическое переориентирование. Возникает ключевой вопрос: какие проекты могут быть запущены в ближайшие 3–5 лет и на каких условиях?

1. Технологические условия перезапуска

Первоочередное значение для возобновления замороженных проектов имеет готовность отечественной промышленности восполнить дефицит оборудования. В 2023–2024 годах наметился сдвиг: активизировались усилия по импортозамещению, в том числе благодаря работе КРИОГЕНМАШ, ОКБМ Африкантов и других производителей. Критически важное значение имеет развитие отечественных технологий сжижения газа — таких как уже испытанный «Арктический каскад» и проектируемая система на базе турбин ГТУ-16П, разрабатываемых в рамках СП «Газпром» и «Ростех» [5].

Однако реализация полного цикла крупнотоннажного СПГ-производства исключительно на российской технологической базе возможна не ранее 2027–2028 годов. В краткосрочной перспективе более реалистичным выглядит запуск или расширение малотоннажных и среднетоннажных проектов, где уровень локализации выше, а потребность в импортной технике — меньше.

2. Финансово-логистическая модель: роль Востока

В условиях недоступности западного финансирования Россия всё активнее использует инструменты финансового сотрудничества с Востоком. Особенно перспективными выглядят договоренности с Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Банк БРИКС, Фонд Шелкового пути, а также национальные банки (например, ICBC, Exim Bank of China) становятся потенциальными источниками капитала.

Важно и логистическое переориентирование. Использование Северного морского пути позволяет России значительно сократить сроки доставки СПГ на рынки Азии. Перевалочные хабы на Камчатке и в Мурманске способны обеспечить гибкость отгрузок и компенсировать недостаток универсальных газозавозов. Дополнительное преимущество дает отсутствие узких мест в Суэцком канале и снижение зависимости от контролируемых Западом маршрутов.

3. Выборочные проекты с потенциалом запуска до 2030 года

Анализ текущего состояния позволяет выделить следующие наиболее реалистичные к перезапуску проекты:

- «Обский СПГ» (НОВАТЭК) — среднетоннажный проект с мощностью до 5 млн тонн, разработанный на российском оборудовании. При соответствующей поддержке может быть введен в эксплуатацию к 2027 году.
- 2-я очередь «Ямал СПГ» на отечественных решениях — возможна при успешной локализации компрессорных установок и модернизации «Арктического каскада».
- Проекты на Дальнем Востоке (например, «Сахалин-СПГ 2») при участии китайских компаний — могут быть реализованы на азиатской технологической платформе и финансировании.

Также появляются перспективы кооперации с ОАЭ, Саудовской Аравией и Турцией, чьи энергетические компании стремятся к глобальной диверсификации и открыты к участию в арктических проектах при наличии политической воли и прозрачных условий [6].

В результате, стратегия перезапуска российских СПГ-заводов строится на следующих принципах:

- максимальная локализация и импортонезависимость;
- финансовая поддержка со стороны «альтернативных» партнёров;
- геополитическая гибкость и переориентация экспортной логистики;
- концентрация усилий на малотоннажных, экономически управляемых проектах.

Именно сочетание этих факторов позволит не просто «реанимировать» отрасль, но и переосмыслить модель её развития в постсанкционную эпоху.

Мировой рынок сжиженного природного газа (СПГ) вступил в фазу интенсивной трансформации. Его динамика в последние годы определяется не только спросом, но и ростом числа конкурирующих производителей, геополитическими сдвигами, инфраструктурными ограничениями и технологическими трендами. На этом фоне Россия, даже находясь под санкционным давлением, сохраняет шансы вернуть себе долю на рынке за счёт стратегического использования формирующихся дисбалансов [7].

С одной стороны, США демонстрируют беспрецедентные темпы наращивания экспортных мощностей. С другой — темпы роста внутреннего спроса уже сегодня ставят под вопрос устойчивость американской модели экспансии. Совокупный прогнозируемый рост внутреннего потребления газа в США на 100–200 млрд кубометров в течение пяти лет требует не только стабильной добычи, но и быстрого расширения инфраструктуры, транспортировки и генерации. В условиях ограничений по газотранспортным мощностям и замедленных темпов строительства новых АЭС и ВИЭ, США рискуют столкнуться с системным энергетическим дефицитом.

Этот фактор может в перспективе ограничить объёмы доступного для экспорта газа и привести к росту цен на внутреннем рынке, а значит — к необходимости политически мотивированного сдерживания экспортных объёмов в пользу стабильности внутреннего энергоснабжения. Уже сейчас некоторые представители американского Конгресса поднимают вопрос о необходимости контроля над ростом экспорта, особенно на фоне «взрыва» энергопотребления со стороны дата-центров и развития ИИ-инфраструктуры.

Катар и Австралия остаются устойчивыми и зрелыми экспортерами СПГ. Однако их возможности по резкому наращиванию объёмов ограничены — в основном по географическим и технологическим причинам. Кроме того, растёт конкуренция со стороны стран Африки, особенно Мозамбика и Нигерии, где западные компании активно инвестируют в СПГ-проекты. Но эти страны сталкиваются с политической нестабильностью и логистическими проблемами.

Таким образом, окно возможностей для России формируется как результат:

- потенциального энергетического перегрева в США;
- стабилизации спроса в Азии на фоне отказа от угля;
- замедленного роста мощностей в других странах;
- желания ряда стран диверсифицировать поставщиков и уйти от зависимости от США и Катара.

Россия может «войти обратно» на рынок в момент, когда остальные игроки столкнутся с собственными ограничениями. При этом конкурентное предложение России обладает рядом объективных плюсов:

- низкая себестоимость добычи и сжижения;
- удобное географическое расположение к ключевым рынкам Азии;
- высокая компетенция инжиниринговых команд (при соответствующей модернизации);
- развитие Северного морского пути как альтернативного маршрута поставок.

В стратегическом горизонте до 2030 года Россия может занять нишу гибкого и быстро масштабируемого поставщика СПГ, особенно если сосредоточится на малотоннажных и модульных решениях, оперативно реагирующих на колебания спроса. Это особенно актуально для рынков Южной и Юго-Восточной Азии, где наблюдается наибольший прирост энергопотребления [8].

Однако воспользоваться «окном возможностей» можно лишь при выполнении трёх условий:

- развитие независимой технологической базы, способной обеспечить запуск без внешней помощи;
- создание финансово-гибких моделей, включая расчеты в нацвалютах, хеджирование логистических рисков;
- проактивная внешняя политика, включая соглашения с ключевыми покупателями — Китаем, Индией, странами ЮВА и Персидского залива.

Таким образом, окно возможностей для России не просто существует — оно начинает раскрываться. Главное — быть готовыми воспользоваться им своевременно, не повторяя ошибок прошлого и не полагаясь исключительно на высокие цены или стихийную конъюнктуру. Вопрос стоит не в том, вернётся ли Россия на рынок СПГ, а в том, насколько разумно и гибко она к этому возвращению подготовится [9].

Мировой рынок сжиженного природного газа переживает период структурных изменений. Глобальный рост спроса на энергию, вызванный цифровизацией, переходом к низкоуглеродной экономике и геополитической нестабильностью, превращает СПГ в стратегический ресурс XXI века. На этом фоне Россия, несмотря на санкционное давление, сохраняет за собой важную роль — как по объёму ресурсов, так и по технологическому потенциалу отрасли.

Во-первых, анализ ситуации в США показывает, что в среднесрочной перспективе их доминирование на рынке может быть подорвано внутренними факторами: взрывным ростом энергопотребления в ИТ-секторе, ограниченностью газотранспортной инфраструктуры и потенциальными политическими

ограничениями на экспорт. Это создает уникальное окно возможностей для других поставщиков, в том числе для России, чтобы занять высвобождающиеся рыночные ниши.

Во-вторых, санкции действительно привели к остановке и заморозке ряда стратегических российских проектов, однако они также стали мощным стимулом к технологическому суверенитету и развитию локализованной производственной базы. Малотоннажные и модульные СПГ-проекты, поддержанные азиатскими инвестициями и ориентированные на азиатские рынки, становятся наиболее реалистичной моделью развития отрасли в ближайшие 5–7 лет [10].

В-третьих, геополитическая многополярность и диверсификация глобальных энергетических потоков усиливают роль таких направлений, как Северный морской путь. Снижение зависимости от контролируемых Западом маршрутов делает логистику поставок гибкой и стратегически более безопасной.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать ключевые рекомендации для формирования новой стратегии российского участия в мировом СПГ-рынке:

1. Сосредоточиться на восстановлении и запуске приоритетных проектов, таких как «Обский СПГ» и 2-я очередь «Ямал СПГ» — с высокой степенью локализации и поддержкой азиатских партнеров.
2. Инвестировать в масштабное импортозамещение в криогенном и турбинном оборудовании, создавая на внутреннем рынке замкнутую технологическую цепочку.
3. Активно использовать внешнеэкономические механизмы, включая расчеты в нацвалютах, долгосрочные контракты и строительство СПГ-терминалов в странах-импортерах.
4. Развивать логистическую инфраструктуру Севморпути, включая строительство перевалочных хабов, ледокольного флота и модернизацию портов.
5. Обеспечить устойчивую дипломатическую стратегию, создавая альянсы с Китаем, Индией, странами ЮВА и Персидского залива — как энергетическими потребителями, так и потенциальными инвесторами.

Россия уже имеет за плечами уникальный опыт в строительстве сложнейших арктических объектов, и при правильной стратегической конфигурации способна не только вернуться на мировой рынок СПГ, но и занять там прочные, устойчивые позиции на десятилетия вперед.

Литература

1. Управление энергетической информации США (EIA). Short-Term Energy Outlook, 2024–2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/steo/> (дата обращения: 25.03.2025).
2. BP Statistical Review of World Energy. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Минэнерго России. Информация о реализации проектов СПГ в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Росатом. Развитие инфраструктуры Северного морского пути. — 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosatom.ru> (дата обращения: 25.03.2025).
5. Газпром. Ежегодный отчет. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Новатэк. Стратегия и проекты СПГ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novatek.ru> (дата обращения: 25.03.2025).
7. Морозов Д.А. Технологическая трансформация арктического судоходства и локализация производства СПГ // Энергетическая политика. 2023. № 4. С. 35–49.
8. Панов И.Н., Сидоров В.Г. Перспективы развития российского экспорта СПГ в условиях санкций // Экономика и прогнозирование. 2022. № 6. С. 102–117.
9. Заславская О.М., Тарасов А.В. Международное сотрудничество в энергетике: Восточная Азия как стратегическое направление // Вопросы внешнеэкономической стратегии. 2023. № 2. С. 58–72.
10. World Trade Organization. The Future of Global Trade Routes: Arctic Opportunities and Challenges. 2022.